

Посвящается Джексон и всем проведенным с ней изкмительным часам [sic]

*Что если бы ты спал
И видел сон,
И если бы во сне
Попал ты в рай
И там сорвал
Цветок прекрасно-странный,
И если бы, проснувшись, ты его
Держал в руке?
О, что тогда?*

СЭМЮЭЛЬ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ

Те, кто грезит по ночам в пыльных тайниках своей души, просыпаются днем и понимают, что всё это было суетой; но те, кто грезит днем, опасные люди, ибо они способны проживать свои сны с открытыми глазами, воплощая их.

Т.И. ЛОУРЕНС

Я презираю людей, которые держат собак. Это просто трусы, у которых не хватает духа кусаться самим.

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ

ПРОЛОГ

Секрет — странная штука. Есть три типа секретов. Первый знаком всем: для него нужны как минимум двое. Тот, кто хранит секрет, и тот, кто ни за что не должен его узнать. Второй немного сложнее — это секрет, который ты хранишь от самого себя. Каждый день тысячи признаний утаиваются в глубине души, и никто из обладателей этих душ не знает, что их скрывааемый от самих себя секрет сводится к одним и тем же двум словам: я боюсь.

И есть третий тип секрета, самый тайный. Секрет, о котором не знает никто. Возможно, когда-то кто-то о нем и знал, но унес это знание в могилу. Или, быть может, это бесполезная тайна, странная, одинокая, нераскрытая, потому что никто никогда и не пытался ее раскрыть.

Иногда, в очень редких случаях, секрет остается нераскрытым, поскольку он слишком велик, чтобы его мог объять человеческий ум. Слишком необычен, слишком обширен, слишком страшен, чтобы о нем задуматься.

У всех в жизни бывают секреты. Мы храним их — или их хранят от нас. Мы игроки или пешки. Секреты и тараканы — вот что останется в конце.

У Ронана Линча бывали всякие секреты.

Первый секрет касался его отца. Ниалл Линч был хвастливым поэтом, неудачливым музыкантом, очаровательным типом с тяжелой судьбой, выросшим в Белфасте, но рожденным в Камбрии, и Ронан любил его, как никого и никогда.

Хотя Ниалл был мошенником и злодеем, Линчи ни в чем не нуждались. Чем занимался глава семейства, оставалось загадкой. Иногда он пропадал на целые месяцы, хотя никто не знал почему — то ли по делам, то ли потому что просто был негодяем. Он всегда возвращался с подарками, ценными вещами и каким-то невообразимым количеством денег, однако Ронану удивительнее всего казался сам Ниалл. Каждая разлука могла стать последней, поэтому каждое возвращение напоминало чудо.

— Когда я родился, — говорил Ниалл Линч среднему сыну, — Господь разбил форму, в которой отливал меня, с такой силой, что задрожала земля.

Это была ложь: ведь если Господь действительно разбил форму, в которой отливал Ниалла, он лично сделал пиратскую копию двадцать лет спустя, когда создавал Ронана и двух его братьев, Диклана и Мэтью. Все трое были красивыми слепками с отца, хотя каждый унаследовал — и дополнительно развил — нечто свое. Диклану достались отцовская способность занимать всю комнату и отцовская же манера пожимать руку. К кудрявым волосами Мэтью прилагались обаяние и юмор Ниалла. А Ронан получил остальное — глаза цвета расплавленного металла и улыбку воина.

И в них ничего или почти ничего не было от матери.

— В тот день произошло настоящее землетрясение, — рассказывал Ниалл, как будто кто-то об этом спраши-

вал — хотя, зная Ниалла, нетрудно было предположить, что спрашивали. — Четыре балла по шкале Рихтера. Будь оно меньше, форма бы только треснула, но не разбилась.

В те времена Ронан не особенно верил ему, но отец не настаивал: он хотел не веры, а обожания.

— И ты, Ронан... — сказал Ниалл.

Он всегда произносил его имя как-то по-особому. Как будто хотел сказать какое-то совсем другое слово, например «нож», «яд» или «мечь», но в последний момент передумал и сказал «Ронан».

— Когда ты родился, реки высохли, а скотина в графстве Рокингем плакала кровавыми слезами.

Эту историю он рассказывал неоднократно, но Аврора, мать Ронана, утверждала, что Ниалл говорит неправду. По ее словам, когда Ронан появился на свет, деревья покрылись цветами, а вороны Генриетты смеялись. Родители препирались по поводу его рождения, и Ронан не указывал им на то, что одна версия вовсе не исключала другую.

Диклан, старший из сыновей Ниалла, однажды спросил:

— А что случилось, когда родился я?

Ниалл Линч посмотрел на него и ответил:

— Не знаю. Меня там не было.

Когда он говорил «Диклан», это всегда звучало именно так, как будто он хотел сказать «Диклан» и более ничего.

А затем Ниалл вновь пропал на несколько месяцев. Ронан воспользовался возможностью, чтобы осмотреть Амбары — такое название носила обширная ферма Линчей — в поисках ответа на вопрос, откуда взялось семейное достояние. Он не нашел ничего, что указывало бы на род занятий отца, однако обнаружил пожелтевшую

газетную вырезку, лежавшую в ржавой железной коробке. Газета вышла в год рождения Ниалла. В ней сухо сообщалось о землетрясении «Киркби Стивен», которое чувствовалось в Северной Англии и на юге Шотландии. Четыре балла по шкале Рихтера. Будь оно слабее, форма только треснула бы, но не разбилась.

В тот вечер Ниалл Линч явился домой затемно, а когда проснулся, обнаружил, что над ним, в маленькой белой спальне, стоит Ронан. В лучах утреннего солнца оба казались снежно-белыми, как ангелы, и это само по себе было прекрасно, хоть и неправда. Лицо Ниалла было в крови и синих лепестках.

— Мне снился день, когда ты родился, Ронан, — сказал Ниалл.

Он вытер кровь со лба, чтобы показать сыну, что раны там нет. Лепестки, прилипшие к телу, имели форму крошечных звезд. Ронан сам удивился собственной уверенности в том, что они возникли из сознания Ниалла. Он никогда и ни в чем не был так уверен.

Мир зиял и растягивался, внезапно став бесконечным.

Ронан сказал:

— Я знаю, откуда взялись деньги.

— Никому не говори, — велел отец.

Это был первый секрет.

Второй хранился далеко-далеко. Ронан не говорил об этом. Не думал. Не облачал в слова тайну, которую хранил от самого себя.

Но она, как музыка, продолжала играть на заднем плане.

Три года спустя Ронан мечтал о машине своего друга, Ричарда К. Ганси Третьего. Ганси доверял ему что угодно, кроме оружия. Оружия и вот этой тачки, «Камаро» семьдесят третьего года выпуска, адского оранжевого

цвета с черными полосами. Днем Ронану не удавалось пробиться дальше пассажирского сиденья. Когда Ганси уезжал из города, он забирал ключи с собой.

Но во сне Ганси не было, а машина была. Она стояла на пологом склоне заброшенной парковки, и вдали, как привидения, маячили синие горы. Ронан взялся за ручку двери со стороны водителя и потянул. Магии сна едва хватало, чтобы удержать в сознании идею открывания двери. Но этого оказалось достаточно. Ронан опустился на сиденье. Горы и парковка были сном, но запах в салоне — воспоминанием. Бензин, винил, коврик, летящие друг за другом годы.

«Ключи в замке», — подумал Ронан.

И они были там.

Ключи болтались в замке зажигания, как металлический плод, и Ронан долго удерживал их образ в памяти. Он перенес ключи из сна в воспоминание, потом обратно, и накрыл их ладонью. Он почувствовал мягкую кожу и потертые углы брелока, холодный металл кольца, острое и тонкое ребро ключа между пальцев.

Затем он проснулся.

Когда Ронан разжал кулак, ключи лежали у него на ладони. Из сна — в реальность.

Это был его третий секрет.

1

Теоретически Блу Сарджент должна была убить одного из них.

— Джейн! — раздался крик с холма.

Он был адресован Блу, хотя ее вовсе не звали «Джейн».

— Скорей!

Блу как единственному человеку, лишенному дара ясновидения, в семье, обильно наделенной экстрасенсорными способностями, много раз предсказывали будущее и всякий раз напоминали, что она убьет своего возлюбленного, если попытается его поцеловать. Более того, ей предсказали, что в нынешнем году она влюбится. Блу и ее сводная тетка Нив обе видели одного из этих юношей бредущим по незримой дороге мертвых в апреле, а значит, ему предстояло умереть до истечения следующих двенадцати месяцев. Получалось пугающее уравнение.

В ту минуту этот конкретный юноша, Ричард Кэмпбелл Ганси Третий, выглядел бессмертным. Он стоял на влажном ветру, на склоне большого зеленого холма, и пламенно-желтая рубашка трепетала вокруг его торса, а шорты защитного цвета облепляли восхитительно загорелые ноги. Такие парни не умирают; их отливают в бронзе и устанавливают у входа в городскую библио-

теку. Он протянул руку в сторону Блу, когда та, выйдя из машины, принялась карабкаться на холм. Этот жест вовсе не выглядел поощрительным; Ганси как будто регулировал дорожное движение.

— Джейн, ты должна это видеть.

В его голосе звучал медовый акцент старинного вирджинского богатства.

Когда Блу, с телескопом на плече, спотыкаясь, поднялась на вершину, то немедленно оценила уровень опасности: «Я еще не влюбилась в него?»

Ганси галопом спустился по склону и отнял у девушки телескоп.

— Он совсем не тяжелый, — заявил он и поскакал обратно.

Нет, Блу не думала, что влюбилась. Она еще никогда не влюблялась, но была абсолютно уверена, что поймет, когда это случится. Некоторое время назад Блу посетило видение, в котором она целовала Ганси, и она до сих пор могла легко восстановить эту картину в памяти. Но внутреннее благоразумие — преобладающая черта Блу — намекало, что причина, скорее, в красивых губах Ричарда Кэмпбелла Ганси Третьего, а не в каком-то назревающем романе.

И вообще, если фатум полагал, что вправе диктовать ей, в кого влюбляться, его ждал неприятный сюрприз.

Ганси добавил:

— А я думал, ты сильная. Кажется, у феминисток обычно бывают большие мускулы?

Нет, она точно не влюбилась в него.

— Если ты улыбаешься, это еще не значит, что шутка смешная, — заметила Блу.

На очередном этапе поисков валлийского короля Оуэна Глендауэра Ганси попросил у местных землев-

ладельцев разрешения бродить по их частным территориям. Все эти участки пересекала силовая линия Генриетты — невидимая прямая, которая соединяла паранормально насыщенные места. На ней лежал загадочный лес Кабесуотер; она делила его на две части. Ганси был уверен, что Глендауэр покоится где-то в Кабесуотере, спит там уже не первый век. Тот, кто разбудит короля, получит подарок — и в последнее время старая легенда не выходила из головы у Блу. Ей казалось, что Ганси тут единственный, которому это действительно надо. Нет, Ганси не знал, что умрет в пределах нескольких месяцев. А она не собиралась ему об этом говорить.

«Если мы найдем Глендауэра, — думала Блу, — то, конечно, сумеем спасти Ганси».

Крутой подъем привел их на просторную, поросшую травой вершину, вздымавшуюся над деревьями на склонах. Далеко-далеко внизу лежала Генриетта. Город окружали пастбища, усеянные домиками и скотом. Всё это казалось маленьким и опрятным, как модель железной дороги. И всё, кроме маячившей вдали синей горной цепи, было зеленым и сверкало от летней жары.

Но ребята не любовались пейзажем. Они стояли тесным кружком — Адам Пэрриш, тощий и светловолосый, Ной Черни, замызганный и сутулый, и Ронан Линч, мрачный и жестокий. На татуированном плече Ронана сидела его ручная птица, ворон по кличке Бензопила. Хотя она аккуратно держалась за хозяина — с двух сторон на плече черной майки виднелись тонкие линии от когтей. Все рассматривали нечто у Ронана в руках. Ганси бесцеремонно бросил телескоп в сочную траву и присоединился к остальным.

Адам впустил в круг и Блу, и на мгновение их глаза встретились. Как всегда, его лицо заинтриговало

девушку. Адам не отличался классической красотой, но был интересен. Ему достались типично местные выдающиеся скулы и глубоко посаженные глаза, но в его версии то и другое смотрелось довольно изящно. Адам выглядел немного чужим. Непроницаемым.

«Я выбрала ЭТОГО, судьба, — гневно подумала она. — Не Ричарда Ганси Третьего. Ты не можешь диктовать мне, что делать».

Рука Адама скользнула по ее голому локтю. Это прикосновение было сродни шепоту на полужнакомом языке.

— Открой, — велел он Ронану.

Его голос звучал как-то странно.

— Фома неверующий, — фыркнул Ронан, но без особого яда.

В руке он держал крошечный самолетик, не больше ладони, сделанный из неопределенной, чисто белой пластмассы. Ему до смешного не доставало подробностей. Просто фигурка в виде самолета. Ронан открыл гнездо для батареек. Там было пусто.

— Это невозможно, — сказал Адам.

Он согнал кузнечика, который вспрыгнул ему на воротник. Все наблюдали за тем, как он это проделал. С тех пор как Адам месяц назад заключил странную ритуальную сделку, остальные внимательно следили за всеми его движениями. Если Адам и замечал это усиленное внимание, то молчал.

— Он не полетит без батареек и без мотора.

Теперь Блу поняла, о чем речь. Ронан Линч, хранитель секретов, вечный воин, дьявол в облике мальчика, рассказал друзьям, что способен переносить приснившееся в реальный мир. Пример номер один: Бензопила. Ганси пришел в восторг; он был из тех людей, которые вовсе